

Reviews

Another Example: Music is the International Language

Review of **Dmitri Hvorostovsky** in concert with the **Philharmonia of Russia**, **Constantine Orbelian, Conductor**, at Davies Hall in San Francisco January 22 and at the Barbican Hall in London, February 17, 2006. Published February 24, 2006 in the *Oakland Tribune* and other papers of the Alameda Newspaper Group, September 30, 2005, under the headline above.

By Cheryl North

Travel, like great music, helps one experience the world in new ways — and I am eager to share with you, my Bay Area readers, some recent experiences I have had involving both. My husband and I have just completed a performance with the Yale University Alumni Chorus, in which we, along with members of the Cambridge University Music Society, were "back-up" singers in a concert presented by the great Siberian baritone Dmitri Hvorostovsky at Barbican Hall in London.

We were accompanied by the Philharmonia of Russia, which was conducted by San Francisco-born-and-bred Constantine Orbelian. It was a repeat of a concert at Davies Symphony Hall in San Francisco Jan. 22, except that the choir singing for the San Francisco event was the Pacific Boychoir conducted by Kevin Fox instead of the Yale-Cambridge singers.

The concerts' first half consisted of music from 19th century Russian opera; the second half featured what were billed as "Soviet-era popular songs."

Capacity crowds of enthusiastic listeners packed both the San Francisco and the London venues. Both elicited standing ovations, and both brought high emotion and unabashed tears from many in the audience. The most interesting thing about it was that not all the tears came from the Russian-speaking members of the audience.

The less familiar of the operatic songs sung by the golden-voiced Hvorostovsky were Aleko's Aria from Rachmaninoff's opera of that name, "Do Not Weep, My Child" from Anton Rubinstein's *The Demon* and "Vindex's Epithalamium" from Rubinstein's opera *Nero*. More well-known was Borodin's gorgeous "No rest, no sleep" from the opera *Prince Igor*.

Hvorostovsky imbued each with thoughtful dramatic credibility and the suave, consummate musicianship that audiences and critics alike have come to expect of him. The sheer beauty and brightness of his voice gleams throughout its formidable range like the gold domes topping Russian churches. He makes few gestures while singing; he just simply stands and pours out shafts of exquisite sound.

One of the reasons for this is no doubt his incredible breath control. He can sustain a note so long that one wonders that he does not go deep-sea diving in his spare time. Another reason for his singularly beautiful tone is likely due to genes inherited from his father (who like Dmitri, has a shock of thick hair prematurely snow-colored) and who is also an accomplished singer. But while Papa Hovorostovsky is a chemical engineer as well as a singer, young Dmitri actually began his musical life as an aspiring concert pianist and even won a piano competition or two in his youth.

The Philharmonia musicians performed a rousing "Procession of the Nobles" from Rimsky-Korsakov's *Madama Butterfly*; Tchaikovsky's "Polonaise" from his *Eugene Onegin* and Mussorgsky's "Dawn on the Moscow River" from his opera *Khovanshchina*. During the London performance, they also performed waltzes by Shostakovich and by Khachaturian.

Founded by Maestro Orbelian in the year 2000, the Philharmonia is an expansion of the Moscow Chamber Orchestra. It includes some of Russia's finest musicians, including concertmaster Alexander Mayorov and the accomplished Elena Kulygina, assistant concertmaster. Others are superlative harpist Natalia Shameeva; first-chair trumpet Vladislav Lavrik; principal cellist Alexander Zagorinsky; principal horn, Stanislav Davydov, and more.

Orbelian leads with passion and precision, but like Hovorovsky, with a minimum of physical histrionics. It seems that his eyes and eyebrows do much of the work cueing the musicians while his hands, sans baton, beat a steady rhythm.

The songs in the program's second half were of a totally different genre. Some would even call them, "controversial." I am old enough to remember the terrific animosity, and even terror, felt by those of us in the Western world toward the Soviet Russia of the Cold War period. Considering the depth of emotions and sufferings of peoples and countries subsumed during that grim period, it is understandable that many would be repulsed by anything described as "Soviet era" songs.

Also identified as songs of the "Great Patriotic War," the term the Russians use to describe World War II, these songs summoned up the highest thrills at both performances. Even those songs written long after the end of the war, like "The Cranes" from 1969 and "Somewhere Far Away," the title music for a 1973 television series, entitled *17 Moments of Spring*, depicted "Everyman's" collective experience of the loss, longing, suffering and destruction brought about by war — ANY war.

The songs were brilliantly arranged and orchestrated by pianist Evgeny Stetsyuk, who, along with his fellow members of the folk ensemble "Style of Five," joined the orchestra in accompanying Hovorostovsky. Some had the character of cabaret, while others were heartbreaking laments and prayer-like peans as they reflected a wide range of deeply human emotions — emotions not at all limited to one nationality. In them, one finds grief coupled with hope, love with longing, and sweet memories from a lost past and dreams of a happier future.

One didn't have to understand Russian to understand their universal message.

While it's true that some of these songs might have been initially encouraged for Soviet propaganda purposes during the war, the human realities and relevance of their content, along with the very particular Russian penchant for soulful melody and sombre minor-key harmony, carried them into the realm of universal experience.

Following the London performance, Dmitri explained to an assembled group that he was initially concerned that the songs might speak too specifically to the Russian experience. He told of his own family's losses, which

included the death of an especially beloved grandfather in the war. It was the tender stories and songs of his grandmother that awoke in a young Hovorostovsky his initial sensitivity to human suffering and loss.

In his quiet, gentle speaking voice, he said, "While at first I was worried that the songs might be too Russian, the wonderful response of the audiences, and of course, the songs themselves, convinced me that they were for all humanity."

2006 Февраль 24

Ещё один пример: Музыка – это международный язык

Рецензия на выступление **Дмитрия Хворостовского с Российским Филармоническим оркестром, дирижёр Константин Орбелян** в Davies Hall в Сан-Франциско 22 января и в Barbican Hall в Лондоне 17 февраля 2006 года.

Шерил Норт

Путешествия, как и великая музыка, помогают по-новому воспринимать мир, и мне не терпится поделиться с вами, моими читателями из Bay Area, некоторыми недавними впечатлениями, связанными с тем и другим. Мы с мужем только что закончили выступление с Хором выпускников Йельского университета, когда мы вместе с членами Музыкального общества Кембриджского университета пели вместе с великим сибирским баритоном Дмитрием Хворостовским в Барбикан-холле в Лондоне.

Нам аккомпанировал Российский Филармонический оркестр, которым дирижировал уроженец Сан-Франциско Константин Орбелян. Это было повторение концерта в Davies Symphony Hall Сан-Франциско 22 января, только вместо хора из Йеля и Кембриджа в Сан-Франциско пел хор Тихоокеанской хоровой школы мальчиков под управлением Кевина Фокса.

В первом отделении концерта звучала русская оперная музыка 19 века; во втором - "популярные советские песни".

Восторженные слушатели заполнили обе площадки в Сан-Франциско и Лондоне. Оба выступления вызвали бурные овации, и оба принесли яркие эмоции и нескрываемые слёзы многих слушателей. Самое интересное, что слёзы были не только у русскоязычной аудитории.

Менее известными из оперных арий, исполненных золотым голосом Хворостовского, были ария Алеко из одноименной оперы Рахманинова, "Не плачь, дитя" из оперы Антона Рубинштейна "Демон" и "Эпиталама Виндекса" из его же оперы "Нерон". Более известной была великолепная ария "Ни сна, ни отдыха" из оперы Бородина "Князь Игорь".

Хворостовский пропитал каждую из арий вдумчивой драматической достоверностью и мягким, безупречным музыкальным мастерством, которого уже привыкли ожидать от него и слушатели, и критики. Неповторимая красота и яркость его голоса сверкают во всём его огромном диапазоне, как золотые купола на русских церквях. Во время пения он почти не жестикулирует; он просто стоит и изливает волны изысканного звука.

Одной из причин этого, несомненно, является его невероятный контроль дыхания. Он может удерживать ноту так долго, что можно только удивляться, что он не занимается глубоководным дайвингом в свободное время. Ещё одна причина его необычайно красивого тона, вероятно, связана с генами, унаследованными от отца (у которого, как и у Дмитрия, копна густых преждевременно поседевших волос), который тоже талантливый певец. Но если отец Хворостовский - инженер-химик, а также певец, то молодой Дмитрий начинал свою музыкальную жизнь как многообещающий концертный пианист и даже выиграл пару фортепианных конкурсов в юности.

Оркестр исполнил зажигательное "Шествие князей" из оперы-балета Римского-Корсакова "Млада", "Полонез" из оперы Чайковского "Евгений Онегин" и "Рассвет на Москве-реке" из оперы Мусоргского "Хованщина". Во время лондонского выступления он также исполнил вальсы Шостаковича и Хачатуряна.

В 2000 году маэстро Орбелян создал Филармонический оркестр, расширив Московский камерный оркестр. В его состав входят лучшие музыканты России, включая концертмейстера Александра Майорова и великолепную Елену Кулыгину, ассистента концертмейстера. Среди них - великолепная арфистка Наталья Шамеева, трубач Владислав Лаврик, первая виолончель Александр Загоринский, валторна Станислав Давыдов и многие другие.

Орбелян дирижирует со страстью и точностью, но, как и Хворостовский, с минимумом физической театральности. Кажется, большую часть работы выполняют его глаза и брови, подавая сигналы музыкантам, в то время как его руки, без дирижёрской палочки, отбивают устойчивый ритм.

Песни во второй половине программы были совершенно другого стиля. Некоторые даже назвали бы их "неоднозначными". Я достаточно взрослый человек, чтобы помнить ту страшную враждебность и даже ужас, которые испытывали жившие в западном мире по отношению к Советской России времён холодной войны. Учитывая глубину эмоций и страданий народов и стран, переживших этот мрачный период, вполне понятно, что многих оттолкнёт то, что называется песни "советской эпохи".

Также обозначенные как песни "Великой Отечественной войны", как русские называют Вторую мировую войну, эти песни вызвали самые острые ощущения на обоих выступлениях. Даже песни, написанные уже после окончания войны, такие как "Журавли" 1969 года и "Где-то далеко" к телесериалу 1973 года "17 мгновений весны", изображали коллективный опыт потери, тоски, страданий и разрушений для обыкновенного человека, которые приносит война - ЛЮБАЯ война.

Песни были блестяще аранжированы и оркестрованы пианистом Евгением Стецюком, который вместе со своими коллегами из фольклорного ансамбля "Стиль пяти", присоединился к оркестру, аккомпанируя Хворостовскому. Некоторые из них были в стиле шансон, в то время как другие были душераздирающими элегиями и молитвенными одами, потому что отражали широкий спектр глубоких человеческих эмоций, не ограниченных одной национальностью. В них скорбь соединяется с надеждой, любовь с тоской, приятные воспоминания об ушедшем прошлом и мечты о более счастливом будущем.

Не обязательно было понимать русский, чтобы понять их общечеловеческое послание.

Хотя некоторые из этих песен действительно могли быть изначально созданы в целях советской пропаганды во время войны, реальная жизнь и актуальность их содержания, наряду с особой склонностью русских к душевной мелодии и мрачной минорной гармонии, перенесли их в сферу универсального опыта.

После выступления в Лондоне Дмитрий объяснил собравшейся группе, что изначально он был обеспокоен тем, что песни могут слишком конкретно говорить о российском опыте. Он рассказал о потерях своей собственной семьи, в том числе о гибели особенно любимого дедушки на войне. Именно нежные рассказы и песни его бабушки пробудили в юном Хворостовском его первоначальную чуткость к человеческим страданиям и утратам.

Своим тихим, мягким голосом он сказал: "Хотя сначала я беспокоился, что песни могут быть слишком русскими, замечательная реакция зрителей и, конечно же, сами песни убедили меня в том, что они предназначены для всего человечества".